

УДК 354316

**ПРОТИВОПРАВНОЕ ПОВЕДЕНИЕ МОЛОДЕЖИ
В УСЛОВИЯХ АДАПТАЦИОННЫХ ВЫЗОВОВ ТРАНСФОРМИРУЮЩЕГОСЯ ОБЩЕСТВА**
О. А. Рожнов

**ILLEGAL BEHAVIOR OF YOUTH IN THE CONDITIONS OF ADAPTABLE CALLS
OF A TRANSFORMED SOCIETY**
O. A. Rozhnov

В статье обсуждаются вопросы, связанные с совершенствованием государственной системы управления профилактикой девиантного поведения молодежи.

Автор указывает на необходимость внесения постоянных изменений как в законодательную базу, так и в государственную систему управления.

In article the questions connected with perfection by the state control system by preventive maintenance of deviating behavior of youth are discussed.

The author specifies in necessity of entering of constant changes both in legislative base, and in the state control system.

Ключевые слова: молодежь, молодежная политика, противоправное поведение молодежи, наркомания.

Keywords: youth, the youth policy, illegal behavior of youth, a narcotism.

В процессе трансформации нашего общества радикально изменяются экономические, политические, социальные отношения, уклад жизни большинства индивидов, модифицируются формы власти и управления, вместо разрушенных старых социальных структур и институтов создаются новые [1, с. 15 – 25].

Успешность такого преобразования общества, на наш взгляд, не в последнюю очередь, а, скорее, напрямую зависит от непосредственного и активного участия молодого поколения в проводимых преобразованиях. Особую актуальность это приобретает для современной России, когда молодежь на первых стадиях радикальных реформ ощутила по отношению к себе безразличие, невостребованность государством и обществом и была вынуждена самореализоваться, различно проявляя свою активность, в том числе в девиантных формах.

В настоящее время на государственном уровне уделяется большое внимание вопросам молодежной политики и поддержки социально незащищенных групп населения, особую категорию которых составляют несовершеннолетние. Молодежь признают социально-возрастной группой населения в возрасте 14 – 30 лет (возрастная классификация ООН – 14 – 25 лет). Понятие «молодежь» в специальных нормативных актах и специальной юридической литературе не рассматривается. Эта возрастная группа одной своей частью относится к детям (несовершеннолетним), другая (старше 18 лет) по праву признается взрослой. Правовой статус молодежи, как и несовершеннолетних, прежде всего обуславливается двумя важными факторами: возрастными особенностями и социальным положением. Установление возрастных критериев в праве позволяет определить степень реализации прав и законных интересов, а также меру ответственности несовершеннолетних. По данным Росстата, численность детей в возрасте от 0 – 17 лет в 2009 году составила 26055 млн человек, или 19 % от общего населения. Численность молодежи в возрасте 14 – 30 лет – 36,6 миллионов

человек или 25,8 % от общей численности населения страны. Численность учащейся в общеобразовательных учреждениях молодежи порядка 3 млн человек (возраст 14 – 17 лет).

Эффективная государственная молодежная политика – один из важнейших инструментов развития страны, роста благосостояния ее граждан и совершенствования общественных отношений.

Как отмечено в «Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года», утвержденной Распоряжением Правительства РФ от 17 ноября 2008 года № 1662-р, «практика последних десятилетий убедительно доказывает, что в быстро изменяющемся мире стратегические преимущества будут у тех государств, которые смогут эффективно развивать и продуктивно использовать инновационный потенциал развития, основным носителем которого является молодежь». Одним из ключевых приоритетов государственной молодежной политики на среднесрочную перспективу в соответствии с указанной Концепцией и Основными направлениями деятельности Правительства Российской Федерации на период до 2012 года, утвержденные распоряжением Правительства Российской Федерации от 17 ноября 2008 г. № 1663-р, является обеспечение эффективной социализации молодежи, находящейся в трудной жизненной ситуации.

В настоящее время Минспорттуризмом России разработан проект концепции Федеральной целевой программы «Молодежь России», в которой предусмотрена реализация мероприятий в рамках данного направления, ориентированных на решение одной из задач ФЦП «Развитие различных форм социальной поддержки, реабилитации и адаптации молодых людей, находящихся в трудной жизненной ситуации, профилактика асоциальных явлений в молодежной среде, молодежной преступности и правонарушений, в том числе повторных».

Под активностью молодежи в период трансформаций нами подразумеваются все виды её социаль-

ных действий, являющиеся следствием и причиной как продуктивных, так и контрпродуктивных для общества трансформационных процессов. Контрпродуктивными процессами определяются такие, которые формируются в условиях отсутствия или недостаточного государственного регулирования социальной политики, в т. ч. молодежной, когда индивиды и их группы в условиях аномической ситуации в обществе перехватывают инициативу по созданию новых социальных структур, в т. ч. незаконных, преступных, по сути, бросают адаптационный вызов всему обществу.

Адаптационные вызовы рассматриваются нами как сложнопредсказуемые изменения в социальных отношениях индивидов, групп, обществ, актуализирующиеся в процессе трансформации общества и вынуждающие акторов искать пути выхода из сложившейся действительности. Адаптационные вызовы нарушают или разрушают определенный социальный порядок, препятствуют достижению целей акторов и вводят их в состояние неопределенности. Данная социальная неопределенность может стать фактором проявления и развития патологических процессов. Помимо этого, в силу своего социального происхождения, адаптационные вызовы обладают свойством принуждения и являются *предпосылкой к преобразованиям существующей реальности*. Вызывающей стороной может быть как индивид и группа, так и общество, посылающие адаптантам испытания для их адаптационных ресурсов, т. е. *адаптационный вызов – это доминанта процесса трансформации к адаптационным стратегиям индивида*. В процессе трансформации общества формируются определенные препятствия или проявляются различные расстройства уже исполняемым адаптационным программам, где адаптационные вызовы образуются как дискурс между процессом трансформации и выбором адаптационной стратегии индивида, которая может быть как активная (социально позитивная или негативная), так и пассивная. Зачастую пассивная стратегия адаптации развивает соответствующий синдром у адаптантов.

Результат реакции молодежи на адаптационные вызовы трансформирующегося общества отражается, прежде всего, в выборе определенного адаптационного поведения в условиях, когда становятся неэффективными большинство традиционно ранее принятые способы поведения. Причиной этому являются нестабильные или не действующие общепринятые нормы и ценности, и поэтому активность индивидов направляется на поиск и освоение новых временных способов действий, помогающих быстро приспособиться к быстроизменяющимся социальным условиям.

Подобная активность, как считает Т. И. Заславская, является особенной, т. к. проявляется и приобретает актуальность в период трансформаций, которую определяет как «трансформационную активность» – совокупность социально-инновативных действий, являющихся преимущественно рациональным ответом социальных акторов на вызываемое реформами изменение условий их жизнедея-

тельности и ведущих к изменению базисных социальных практик. Типы трансформационной активности, по Т. И. Заславской, различаются направленностью на рационализацию и повышение эффективности институтов, на их ослабление и разрушение или реставрацию прежних институтов в зависимости от целеположения и мотивации акторов. В содержательном плане это понятие не знает ограничений: оно охватывает практические и духовные, созидательные и разрушительные, легальные и криминальные, моральные и аморальные виды активности [2, с. 420 – 425]. Кроме того, в качестве специфической «минусовой» характеристики трансформационной активности рассматривается и отказ части социальных субъектов от активной борьбы за свои интересы в условиях, когда их права безосновательно ущемляются, за счет которых, на наш взгляд, и происходит повышение уровня ранее существовавших девиантных социальных фактов – сироты, инвалиды, многодетные семьи, одинокие матери и т. д. Прежде всего, у социально незащищенных слоев населения, не сумевших справиться с адаптационными вызовами, наблюдается в значительной степени неадаптивность, перерастающая в синдром.

В период трансформаций возбуждается и процесс возникновения новых негативных социальных фактов (адаптационных вызовов), не существовавших в дореформенном периоде – это финансовые и политические кризисы, массовые увольнения, безработица, невыплата и задержки заработной платы, пенсий, отмена социальных гарантий, платные медицинские и образовательные услуги, нестабильность национальной денежной единицы, криминальный вызов – по сути, являющиеся общим адаптационным вызовом трансформирующегося общества, который породил другие негативные социальные факты, так называемых «новых бедных», к которым относится большая часть населения страны. Другими словами, процесс трансформации общества есть социальный факт, который порождает различные формы девиации и соответствующее им поведение.

Так, по мнению Н. Римашевской [3, с. 28 – 35] в результате происходящих процессов трансформации возникли три формы бедности – устойчивая, плавающая и «новая». В круговорот кардинальных изменений оказались втянутыми даже те слои населения, впоследствии попавшие в группу так называемых «новых бедных», которые по своему образованию и квалификации, социальному статусу и демографическому положению никогда ранее не входили в нижний слой общества. Следствием подобного бедственного положения населения стало разрушение в процессе трансформации общества прежней государственной социальной политики.

Иного мнения относительно социальных бедствий и катастроф придерживался П. Сорокин. Он видел в них не только отрицательные, но и положительные составляющие, сыгравшие конструктивную роль в научении человечества новым способам адаптации и разрешения кризисных ситуаций [4,

с. 53]. Наш современник С. А. Кравченко рассматривает подобную позицию прежде всего как амбивалентный характер адаптации к катастрофе, сравнивая ситуацию с современной Россией, когда процессы адаптации проходят во взаимосвязи с радикальными реформами [5, с. 63].

В результате, как показывают исследования многих специалистов, за счет людей, неспособных адекватно реагировать на адаптационные вызовы и негативные социальные факты в процессе трансформации общества, формируются и укрепляются иные ретризские социальные факты, как беспризорность, безнадзорность, проституция, наркомания, алкоголизм, преступность и т. д., перерастающие в синдром.

Социальные девиации количественно и качественно характеризуются как уровнем, так структурой и динамикой. Еще раз вернемся к статистике. По данным Росстата в настоящее время насчитывается более 30 млн несовершеннолетних. Среди них только беспризорных 2 – 4 млн (по данным социологических исследований). То, что фактическое положение дел может быть значительно хуже, свидетельствует огромный разрыв между полученными различными исследователями данными: 2 и 4 млн. Но, даже если взять нижнюю планку (2 млн), то она примерно равна уровню беспризорности в России времен начала Первой мировой войны (1914 г.), когда, по некоторым данным, беспризорных детей насчитывалось 2,5 млн. Среди именно такой категории подростков в настоящее время значительно распространены пьянство и наркомания, которых можно отнести к несправившимся с адаптационными вызовами так же, как их родителей.

Примеров, отражающих проблему решения адаптационных вызовов, аналогично безнадзорности и беспризорности, можно привести бесчисленное множество. То, что на такую ситуацию влияют трансформационные процессы в стране – факт общеизвестный, однако существует и другой объективный фактор, как неадаптированная к трансформационным процессам государственная система управления профилактикой девиантного поведения молодежи.

Одним из показателей, подтверждающих данный факт, является криминализация сознания молодежи. Так, свыше 40 % опрошенных молодых людей считают криминальную деятельность вполне приемлемой, особенно в трудных жизненных условиях. Только 14 % опрошенных молодых людей предпочитают решать возникающие проблемы «по закону», а 86 % – «по совести». И все это при весьма низком уровне правосознания и правоорганизующей основы поведения [6, с. 254].

Подобная дезинтеграция моральных, нравственных и правовых устоев рассматривалась П. Сорокиным как результат неадаптированности, отсутствия общепризнанных ценностей и моделей поведения, вследствие которых люди превращаются в существа, управляемые, главным образом, бессознательными рефлексам и биосознательными регуляторами – своими страстями и вожелениями. В этих

факторах, по его мнению, кроется причина обострения борьбы за существование, агрессивности, роста преступности.

Действие данных факторов обусловлено аномической ситуацией в стране, вследствие которой актуальнейшей проблемой современности становится увеличивающийся в постперестроечное время уровень такого социального факта, как девиантное поведение подростков и молодежи. Расчеты исследователей показывают, что число молодых россиян, хотя бы раз совершивших преступление (по установленным фактам), в данный момент составляет примерно 6 млн человек, или одну шестую часть молодежи в возрасте 14 – 30 лет. По данным ФСИН России, на 1 июня 2010 г. в учреждениях Уголовно исполнительной системы содержалось 850,8 тыс. человек, в том числе: в 755 исправительных колониях отбывало наказание 714,8 тыс. человек; в 62 воспитательных колониях для несовершеннолетних 5,0 тыс. человек. Также на учёте уголовно-исполнительных инспекций состояло 517,8 тыс. человек, осужденных к наказаниям, не связанным с лишением свободы.

Озабоченность вызывает в условиях адаптационных вызовов трансформирующегося общества и состояние здоровья молодежи. Наибольшую тревогу вызывают актуализировавшиеся в 90-х годах прошлого века болезни, которые можно отнести к категории адаптационных, и связаны они в основном с социальным неблагополучием большей части населения страны. Из этих заболеваний остершими проблемами являются широкомасштабное распространение таких негативных социальных фактов в молодежной среде, как наркомания, токсикомания и алкоголизм. Данные факты подтверждаются оценками МВД РФ, согласно которым уровень заболеваемости наркоманией среди молодежи в 2,5 раза выше, чем у взрослых. Число случаев смертности от употребления наркотиков, в сравнении с восьмидесятыми годами прошлого века, в целом увеличилось в 12 раз, а среди несовершеннолетних – выросло в 42 раза. Явный рост уровня наркомании, имевший место также в начале 2000-х годов, подтверждает факт – насколько наркотики под натиском вновь возникающих адаптационных вызовов в последнее десятилетие стали свойством быта и частью культуры молодежи. Факт злоупотребления наркотиками для большинства молодых людей является одной из главных причин, из-за которой резко изменились социальные отношения в молодежной среде.

За 5 лет к уголовной ответственности за преступления, связанные с незаконным оборотом наркотиков, привлечено полмиллиона граждан, почти половина из которых – молодежь в возрасте до 30 лет. В течение этого периода доля лиц, совершивших наркопреступления, в общем количестве осужденных удвоилась – с 7,2 % до 12 %.

За последние два десятилетия в нашей стране наблюдались высокие темпы роста числа больных наркоманией. Начиная с 1996 года, количество только официально зарегистрированных в стране лиц, потребляющих наркотики, увеличилось в 9 раз.

Количество наркопотребителей, состоящих под диспансерным наблюдением, на 1 января 2010 года составило 621 тысячу человек, что соответствует 437,9 больных на 100 тысяч населения. По данным Минздравсоцразвития России, 34402 наркопотребителя состоят на учете в возрасте от 15 до 19 лет.

Реальное число наркопотребителей в Российской Федерации оценивается экспертами примерно в 2 – 2,5 млн человек или почти 2 % населения страны.

Необходимо учитывать при рассмотрении этой статистики, что в Советском Союзе потребители наркотиков приравнивались к разряду преступников и выявление лиц с диагнозом наркомании, вероятнее всего, происходило на поздних стадиях заболевания. То есть, как в советский период, так и в современный российский официальные данные не отражают действительной ситуации. По данным Я. И. Гилинского, в 80-е годы: «Потребление наркотиков было значительно распространено среди лиц, находящихся в пенитенциарных учреждениях ... среди группы лиц, отбывающих наказание в исправительно-трудовых учреждениях, получен следующий ответ на вопрос, где впервые были приняты наркотические средства: в местах лишения свободы – 57,6 %, на улице 10 %, в армии – 0,7 %» [7, с. 233].

Однако в настоящее время, согласно данным Федеральной службы по контролю за оборотом наркотиков, отмечается постепенное изменение модели первого потребления наркотика (в процентах от всех случаев) – по сравнению с предыдущими годами первое потребление чаще происходит по месту жительства (с 4,6 % до 18,3 %), при этом решение о пробе наркотиков чаще стало приниматься под влиянием членов семьи (с 2,2 % до 5,8 %). В этой связи отдельно необходимо отметить, что решение о пробе наркотиков под влиянием членов семьи чаще принималось женщинами, а также представителями возрастной группы 11 – 14 лет. Реже первое потребление наркотика стало происходить в клубах/на дискотеках (с 15,7 % до 11,7 %) и в учебных заведениях (с 16,3 % до 9,5 %). Кроме того, в ходе анализа каналов получения наркотиков отмечается незначительное уменьшение случаев приобретения наркотиков у друзей/знакомых (с 53,7 % до 51,8 %), а также относительно частое обращение в аптеки (рост с 3,3 % до 13,8 %) [8, с. 20].

Новые адаптационные вызовы актуализируют также проблему безопасности в учебных заведениях, куда беспрепятственно проникают наркотики, холодное и огнестрельное оружие, преступные элементы, которые впоследствии фигурируют в молодых «разборках». С увеличением числа лиц, потребляющих наркотики, резко возрос уровень распространения ВИЧ-инфекции.

Учитывая все эти социальные факты, для их всестороннего анализа нам потребуется структурировать девиантное поведение, важность которого отмечается Романовым В. Л.: «Любые структуры имеют свои временные параметры. Для одних из них раньше, для других позже наступает время расхождения с изменяющимся содержанием дея-

тельности социальных систем и внешними условиями их жизни. Запредельное рассогласование приводит к структурному кризису, в котором социальная система вынуждена переорганизовываться в креативном варианте» [9, с. 40].

В результате такого взаимодействия в социуме обычно происходит становление новых социальных фактов, обладающих определенными свойствами.

Изучая проблемы девиаций, необходимо отметить существующие сходства и отличия социальных девиаций и девиантного поведения личности. В первом случае имеет место социальный феномен, а во втором – психологический. Однако некоторые социальные девиации в то же время являются и девиантным поведением личности: самоубийство, алкоголизм, преступления и т. п. Необходимо учитывать и социальные девиации, которые выступают только в качестве социального феномена – бюрократизм, коррупция, геноцид. Из этого следует, что девиантное поведение выступает и как индивидуальный акт, и как элемент социального бытия.

При этом актуальным для исследования является также разделение девиаций по характеру (свойствам) и степени общественной опасности, а с учетом трансформационных процессов можно рассмотреть новые их формы: рэкет, организованную преступность, финансовые пирамиды, хакерство, мошенничество с «электронными деньгами», экстремизм, террор, которые вносят соответствующие изменения в поведение человека, девиантно адаптирующегося к вызовам трансформирующегося общества. Стремительное развитие подобных социальных фактов, в свою очередь, диктует необходимость внесения постоянных изменений как в законодательную базу, так и в государственную систему управления.

Литература

1. Заславская, Т. И. Социентальная трансформация российского общества: деятельностно-структурная концепция / Т. И. Заславская. – М.: Дело, 2002.
2. Заславская, Т. И. Социентальная трансформация российского общества: деятельностно-структурная концепция / Т. И. Заславская. – М.: Дело, 2002.
3. Римашевская, Н. Либерализм и социальные гарантии в условиях переходной экономики / Н. Римашевская // Международный журнал «Проблемы теории и практики управления». – 1999. – № 1.
4. Сорокин, П. Человек и общество в условиях бедствия / П. Сорокин // Вопросы социологии. – 1993. – № 3.
5. Кравченко, С. А. Нелинейная социокультурная динамика: игравационный подход / С. А. Кравченко: монография. – М.: МГИМО – Университет, 2006.
6. Положение молодежи и реализация государственной молодежной политики в Российской Федерации. – МАТИ, 2008.
7. Гилинский, Я. И. Девиантность и социальный контроль в России (XIX – XX вв.): тенденции и социологическое осмысление / Я. И. Гилинский. – СПб.: Алтей, 2000.

8. Информационно-аналитические материалы к заседанию научно-технического совета ФСКН России «Об итогах мониторинга масштабов распространения и незаконного потребления наркотиков на территории Российской Федерации в 2007 году» // Нет наркотикам: информационно-публицистический

ресурс. – М., 2008. – URL: http://narkotiki.ru/gnk_6643.html.

9. Романов, В. Л. Социальная самоорганизация и государственность / В. Л. Романов. – М.: РАГС, 2003.